

Глава 28. Жизнь, полная кривотолков

Дело было сделано, но кошелек изрядно похудел. Лю Тяньцзяо принялся прикидывать в уме: со смерти отца на похороны ушло пять лянов, столько же — старосте в подарок, ещё десять составили выкуп за Вэй Вэнькана. Прибавьте к этому три сотни монет свахе, пятьсот — на дары к обручению, ещё пятьсот — на свадебный пир, а теперь ещё десять лянов за учёбу...

Одни лишь крупные траты перевалили за тридцать лянов серебра. В сундуке осталось немногим больше тридцати, а ведь годовой доход семьи составлял от силы лянов четырнадцать. За вычетом повседневных нужд оставшегося хватило бы разве что на следующую оплату учёбы супруга, а мечты о собственной лавке и вовсе отодвигались на неопределённый срок.

Вспомнив о заветном желании покойного родителя, юноша решил, что нужно искать иной способ заработка. Но за что взяться? Может, торговать тушёными свинными потрохами? Работа эта тяжёлая: пока всё вычистишь да вываришь — уйма времени уйдёт, а ему ещё за полем приглядывать. Одному не разорваться, а Вэнькан в таких делах помощник никудышный. От этих дум голова шла кругом.

Утешало лишь то, что муж попал в ученики к наставнику Вану, а значит, впереди забрезжила надежда на лучшую долю. Тяньцзяо покосился на спутника, в котором, казалось, остались лишь кожа да кости, и тяжело вздохнул. Проходя мимо лавки лекаря, он, помедлив мгновение, решительно втянул супруга внутри.

— Доктор, посмотрите, пожалуйста, моего мужа. Неладно с ним что-то.

Старый лекарь, ещё не успев коснуться запястья юноши, недовольно нахмурился. Перед ним стоял молодой парень, но вид он имел такой измождённый, будто едва держался на ногах.

— Болел ли он чем-то серьёзным?

Вэй Вэнькан смущённо опустил голову.

— Нет, почтенный наставник, болен я не был.

Лекарь тщательно прощупал пульс, и брови его сошлись на переносице ещё плотнее. Никаких следов тяжёлого недуга не было, но тело юноши находилось на грани истощения. Всё указывало на банальный, затянувшийся голод. В нынешние благодатные времена, когда даже у простых людей на столе всегда найдётся миска каши, довести человека до такого состояния было почти невозможно.

Старик перевёл взгляд на Тяньцзяо — круглолицего, пышущего здоровьем, с румянцем во всю щеку.

— Ты говоришь, он твой муж?

Тот кивнул:

— Да, мой.

Гнев лекаря вспыхнул мгновенно.

— Безобразие! Как ты, будучи супругом, можешь так жестоко обращаться с собственным мужем? Ты же его заживо голодом моришь!

В тот день был базарный день, и в лавке лекаря яблоку негде было упасть. Стоило старику выкрикнуть обвинение, как в толпе поднялся негодующий ропот.

— Что это за человек такой? Сам отъелся, как боров, а мужа до костей довёл!

— Какая низость! Парень, беги скорее в управу, обвини его в покушении на жизнь! Мы все за тебя свидетелями пойдём!

— Верно говорите! Надо бы спросить у его родителей, как они такого злыдня воспитали!

Тяньцзяо, опешив от такого напора, не знал, смеяться ему или плакать.

— При чём тут я? Он ко мне в дом уже таким пришёл!

— Всё оправдываешься! Ни капли раскаяния! — крикнули из толпы. — Посмотрите на его свирепую физиономию, неужто он нас за дураков держит?

— К судье его! Негоже такому лиходейству в нашем городке твориться, позор на наши головы!

Вэй Вэнькан, видя, что Тяньцзяо не дают вставить и слова, покраснел от стыда и неловкости.

— Почтенные, мой муж говорит правду! Я и до свадьбы был таким же.

Но люди и слушать не желали.

— Не покрывай его! Мы все здесь на твоей стороне, он тебе ничего не сделает!

Старый лекарь тоже не унимался:

— Сын мой, ещё немного, и ты концы отдашь! Кого тебе теперь бояться?

Мертвенно-бледное лицо Вэнькана залилось густой краской.

— Я говорю истинную правду! Мы женаты меньше десяти дней!

— Правда? — ропот в толпе на мгновение стих.

Юноша, вконец раздосадованный этим судилищем, махнул рукой:

— Не верите — сходите да спросите. Мы из деревни Циншуй. В эти дни только один примак в наши края приехал, любой вам скажет.

«Примак...» — пронеслось по рядам. Стоило людям узнать, что Вэнькан вошёл в семью на правах примака, как их жалость приобрела иной, пренебрежительный оттенок, а Тяньцзяо в их глазах и вовсе перестал быть порядочным человеком.

Один мужчина средних лет, одетый в добротный тёмно-синий шёлк, посмотрел на Вэнькана с глубокой печалью, точно видел в нём собрата по несчастью.

— Эх, братец... О чём же ты думал? Путь примака — это не дорога, а терние сплошное.

Глаз у Тяньцзяо был острый, и он тут же заметил на шее мужчины длинные следы от ногтей. Чувствуя одновременно и жалость, и иронию, он не удержался:

— Дядюшка, посмотрите на это с другой стороны. На вас шёлк да атлас — куда лучше, чем наши домотканые обноски.

При этих словах мужчина дёрнулся, точно старый ленивый кот, которому под хвост бросили петарду. Лицо его исказилось от праведного гнева:

— Это уже слишком! Неужели ты думаешь, что нашу честь и счастье можно купить миской похлёбки да куском тряпки? Да лучше в петлю залезть, чем так жить!

Юноша, напуганный неистовым видом незнакомца, поспешно нырнул за спину мужа.

— Скорее, успокой его! Если он здесь дух испустит, мне вовек не расплатиться!

Вэнькану ничего не оставалось, кроме как вмешаться:

— Почтенный брат, прошу вас, остыньте! Если вы решитесь на непоправимое, не это ли станет высшей радостью для ваших недоброжелателей?

— Верно! — подхватил кто-то из толпы. — У них денег куры не клюют, тут же новую жену возьмут, покрасивее да помоложе!

Мужчина зажмурился, лицо его отразило внутреннюю борьбу, после чего он решительно выдохнул:

— Да. Я буду жить. Назло этой злыдне! Спасибо тебе, братец.

Спустя добрых полчаса супруги, измятые и взмыленные, наконец выбрались из толкучки на свежий воздух.

Вэнькан, заметив, что рукав Тяньцзяо разорван в клочья, почувствовал острый укол вины.

— Прости меня... Ты в порядке? Люди просто не знали правды.

— Пустяки, — Тяньцзяо оправил одежду, ничуть не выглядя рассерженным. Напротив, в глазах его горел озорной огонёк. — Жаль только, рубаха испорчена. Но старый лекарь в придачу дал отличных снадобий, они немало стоят — хватит на несколько новых нарядов. А супруга-то у того дядюшки в шёлке — настоящая тигрица! И мужа в атлас одевает, и в доме сама всем заправляет. Видал, как он её боится? Вся шея в отметинах!

Вэнькану стало не по себе от таких речей.

— Неужели ты считаешь, что его супруга поступает правильно?

Тяньцзяо пренебрежительно махнул рукой:

— Да что ты понимаешь! Тот дядюшка лицом румян, гладок. В лавку пришёл не раны лечить, а на жизнь жаловаться, мол, на душе у него тяжко. Ломался-то как перед всеми! А сам, небось, выйдет за порог и пойдёт птиц ловить да радоваться. Живёт — не тужит.

Муж нахмурился:

— Ты хочешь сказать, что он лгал?

Тяньцзяо скривил губы в усмешке:

— Не то чтобы лгал... Просто от сытости да безделья дурью мается. Нарочно на людях такие

мины строит, будто его в кабалу продали. Предложи ему сейчас развод или смерть — посмотришь, как он запоёт. Сразу в пятки душа уйдёт.

Вэнькану эти рассуждения показались несправедливыми.

— Если бы его супруга проявляла к нему хоть немного заботы и тепла, разве стал бы он так сокрушаться?

— Да если за ним ухлёстывать, он и вовсе забудет, как его по батюшке величать! — отрезал Тяньцзяо. — Видно же, что человек он ненадёжный, с такими только строгостью и можно.

Заметив, как помрачнело лицо мужа, юноша вдруг спохватился.

«Ой, не то ляпнул, — пронеслось в голове»

— Но ты-то совсем другой! — Тяньцзяо тут же расплылся в лучезарной улыбке, и в глазах его появилось заискивающее выражение, точно у грозного пса, который дома внезапно превращается в ласкового щенка. — Ты добрый, учёный. Несмотря на все нападки тех старикашек, ты дал мне шанс. Я и впрямь счастливчик, что встретил тебя!

Вэнькан немного смутился. Тяньцзяо, хоть и бывал суров, в душе оставался человеком прямодушным и бесхитростным.

«Как я мог так мелко мыслить и обижаться на его слова?» — подумал юноша.

— Что ты... Ты тоже замечательный человек. Столько трудишься, чтобы дать мне возможность учиться.

— Правда? Значит, мы оба — люди прекрасной души! А раз так, то у этих прекрасных людей в животах урчит. Поехали скорее домой!

Тяньцзяо потянул мужа к воловьей повозке, не давая ему опомниться и осознать, какие крамольные вещи он только что наговорил.

Деревенские жители нечасто выбирались в город, а потому возвращались нагруженные покупками. Солнце уже стояло в зените и нещадно палило, так что желающих поехать на повозке было куда больше, чем утром.

Увидев, что супруги несут охапку лекарств, кто-то из женщин не удержался от смешка:

— Глядите-ка, и десяти дней не прошло, а уж к лекарям бегают! Тяньцзяо, ты уж больно торопишься, не загоняй так мальчишку Вэя, а то совсем зачахнет!

В деревне молодёжь редко ходила к врачам, если только кости не ломала. Единственным исключением были случаи, когда в семье долго не рождались дети. Видя, что Тяньцзяо и Вэнькан здоровы с виду, все тут же решили, что те озаботились потомством.

Вэнькан поспешил возразить:

— Тётушки, невестки, вы не так поняли. Тяньцзяо просто хочет, чтобы я окреп.

— Знаем-знаем, «окрепнуть», чтобы деток поскорее завести!

Юноша лишь мысленно вздохнул.

«Видно, судьба моя такая — вечно быть мишенью для сплетен»

Ван Чансю только ахнула, прикинув стоимость снадобий:

— Надо же, сколько серебра на мужа не жалеешь.

— Да что те лекарства! Он его ещё и учиться посылает, — холодно процедила тётушка из семьи Ван. — Десять лянов в год отвалил! Я же говорила: неспроста он моего брата отверг. Видно, с головой не в порядке — решил всё наследство на этого белоручку спустить.

Повозка на мгновение затихла, а затем гомон возновился с новой силой.

— Десять лянов в год?! Тяньцзяо, ты в своём уме?

— Твой отец всю жизнь горб гнул, чтобы копейку скопить, а ты всё прахом пускаешь!

Сяо Цянь-ши, тоже оказавшаяся в повозке, едва не задохнулась от зависти:

— Лю Тяньцзяо, ты совсем рассудок потерял? У тебя серебра куры не клюют, а о дедах-бабках ты подумал? Хоть бы грош принёс стариков почтить!

Кто-то, впрочем, рассудил иначе:

— Раз Учитель Ван его взял, значит, парень и впрямь толковый. Тяньцзяо сейчас тратится, зато потом в холе и неге жить будет.

— Какая там негa! — снова подала голос тётушка из семьи Ван. — Я сама всё видела. Учитель Ван просто сжалился над бедолагой. Был бы у него талант, разве стал бы наставник десять лянов просить?

Она явно была довольна собой — удачно зашла в школу и теперь могла поубавить спеси этому выскочке.

— У наставника Вана душа добрая. Коли видит он в ребёнке искру божью, так и за пять лянов учит.

«Вот оно что...» — пронеслось среди пассажиров. Уважение к Вэнькану, едва успев зародиться, тут же увяло. Раз таланта нет, значит, и сюцаем ему не быть.

Сяо Цянь-ши и вовсе зашла в праведном гневе:

— Слышал, Тяньцзяо? В нашем уезде сюцаями считанные единицы становятся. Не смей пускать деньги на ветер!

Юноша уже открыл рот, чтобы выложить всю правду об Учителе Ване, но Вэнькан вовремя сжал его ладонь. Наставник проявил к ним доброту, и Вэнькан уже тайно вернул излишек денег супругу, а потому негоже было прилюдно раскрывать этот секрет и ставить старика в неловкое положение.

— Благодарю за заботу, — звучно произнёс муж. — Я приложу все силы в учении, чтобы Тяньцзяо ни в чём не знал нужды.

Сяо Цянь-ши лишь презрительно фыркнула:

— Краснобаить все мастера! Просто в поле пахать не охота, вот и придумываешь сказки.

<http://bllate.org/book/15343/1373439>